

Наталья Смирнова

A man and a woman are posed in a luxurious room. The woman, on the left, has long, wavy blonde hair and is wearing a vibrant teal turban, large teal earrings, and a matching teal gown with a deep V-neckline and puffed sleeves. The man, on the right, has dark hair and a beard, and is wearing a dark blue three-piece suit with a white shirt and a dark tie. They are standing in front of a large window with white frames. To the right, there is a chandelier and a table with white flowers. The overall atmosphere is elegant and sophisticated.

моя идеальная по Беда

Наталия Смирнова

Моя идеальная поБеда

«Автор»

2026

Смирнова Н. А.

Моя идеальная поБеда / Н. А. Смирнова — «Автор», 2026

Андрей Савельев привык контролировать всё: от рыночных графиков до собственного сердцебиения. В его безупречном мире нет места случайностям, пока в его жизнь не врывается Дина. Она — сплошное недоразумение.

Неуклюжая, живая, с формами, которые так некстати сбивают с толку, она рушит его выверенный порядок одним своим присутствием. Андрей привык избавляться от проблем, но Дина становится той самой «ошибкой», которую ему не хочется исправлять. Сначала он хотел лишь временно устранить угрозу, нависшую над ней, но не заметил, как сам оказался в плену её искренности и дерзости. Теперь между ними не просто столкновение двух миров, а опасная игра, где на кону — не только его репутация, но и право обладать той, кто неожиданно для него самого стала всем. Он привык побеждать всегда. Но станет ли эта «нелепая» женщина его главным триумфом или роковой слабостью, способной разрушить его империю изнутри?

© Смирнова Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Моя идеальная победа

Глава 1

Дина

Кафе «Морошка» встретило меня ароматом ванили и той безупречной жизни, которая присутствует в жизни семьи Савельевых. Но я за пять минут до этого я умудрилась совершить, как обычно свой классический трюк — выронила сотовый телефон прямо в дамской комнате, а пока судорожно думала поймать его, как неожиданно включилась вода и я обрызгала еще и какую-то очень красивую светскую дамочку в шелковом шарфике. Телефон, к счастью, выжил, дама тоже, и я теперь сидела у окна на мягком диванчике, изо всех сил осторожно распределяла непослушные укладки на своем новом трикотажном платье кирпичного цвета. Не так давно я его купила, то есть накануне в специализированном отделе для пышных дам, доверившись заманчивой этикетке, которая твердила, что этот крой «эффектно скрывает любые недостатки фигуры». Конечно, я прекрасно понимал, что это обычные уловки маркетологов, ведь мои сто двадцать килограммов мягкой доброты невозможно спрятать ни за какие драпировки, даже если их моделировали лучшие миланские мастера. Наверное, со стороны я выглядела как очень монументальный кирпич, но кирпич оказался миролюбивым, пушистым и с столиком, полными детской невинности глазами.

Напротив меня с царственной осанкой восседала Марина Ивановна, чья сложная, намертво залитая лаком прическа вызывала стойкие ассоциации с застывшим цементным памятником эпохи позднего застоя. Мать Андрея удерживала изящную чашку с раф-кофе с таким видом, как будто ей поднесли кубок с чистейшим ядом, предназначенным исключительно для главного врага республики. Впрочем в данном случае являлась таковой я, судя по тому, как ее породистые ноздри возмущенно трепетали каждый раз, когда я издавал слишком шумные вздохи от подступающего к горлу волнения.

— Диночка, деточка моя, — театрально произнесла Марина Ивановна, из-за чего ее жемчужное ожерелье со свистом натянулось на холерной шее, — ты же прекрасно понимаешь, что мы с Сергеем Александровичем люди интеллигентные. Как ты понимаешь отец Андрюши уже несколько лет, как занимает руководящий пост в министерстве, а я же сама более тридцати лет отдала служению культуре, поэтому для нас внешний вид человека — это всегда лишь брэн-ная, преходящая оболочка.

Конечно, Марина Ивановна, вы правы подумала... И при этом я слишком хорошо знала этот вкрадчивый, сочувственный томный голос, ведь именно так врачи обычно разговаривают с убитыми горем родственниками безнадежного больного прямо перед тем, как, наконец, отключают аппарат искусственной вентиляции легких.

— Но во всем должны быть рамки, Дина, элементарные рамки приличия и эстетики, — Марина Ивановна с легким, безжалостным стуком опустила чашку на фарфоровое блюдце. — Через две недели у нашего Андрюши намечается серьезный юбилей, тридцать лет. На торжество в «Метрополе» приглашены высокопоставленные коллеги из ведомства Сергея Александровича, ведущий прессы, будет изысканный фуршет. И как ты, скажи мне на милость, все это себе представляешь? Ты действительно планируешь пойти в праздничный зал под руку с моим сыном? Андрей у нас статный, подтянутый, его карьера стремительно идет в гору, а ты за последний год прибавила, кажется, еще размеров пять. Ты ведь не просто полная, Диночка, ты стала совершенно объемной.

— Я очень внимательно, Марина Ивановна, я правда работаю над собой, — тихо, почти беззвучно проговорила я, чувствуя, как внутри все сжимается от стыда, пока мои руки под

столом судорожно теребили сумочку, у которой в этот самый момент с противным треском разошлась хлипкая молния. Пытаясь заметить соединение края сломанной застёжки и изо всей силы, вид, который полностью соответствует беседе, я несмело добавила, — Вы же помните, что после той страшной катастрофы во мне начался сильный гормональный сбой, и врачи в один голос говорят, что организму требуется время для восстановления...

— Да врачи говорят только то, за что им платят деньги! — бесцеремонно отрезала будущая свекровь, — А на самом деле тебе деточка нудна хорошая диета, давай наконец посмотрим правду в глаза, ведь ты совершенно не подходишь к нашей семье по статусу. Ты из детского дома у тебя кроме твоей коммунальной квартиры ничего нет. И наш Андрей, он у нас владеет бизнесом, и ты должна понимать детка, что ему в этой жизни нужна женщина, которая станет его главным символом и визитной карточкой в обществе, а не снятым крестом, который он будет вынужден перетаскать на себя.

Я опустила взгляд на изящное пирожное, оно сиротливо стоя на столе прямо между нами — белоснежное воздушное безе, нежный сливочный крем и спелая, сочная клубника сверху. И ведь самое обидное, что я к нему даже не прикоснулась, лишь слегка ковырнула с края маленькой ложечкой, которая из-за моей вечной неуклюжести выскользнула из пальцев и оставила крошечное розовое пятнышко крема прямо на моем животе, которое я поспешно прикрыла ладонью. Мне исполнилось двадцать шесть лет, и в последние три года я искренне, преданно и без остатка любила Андрея, тщательно собирая ему диетические обеды в контейнерах, когда у него обострился желудок, и по ночам составляя для него сложные рабочие отчеты, чтобы он мог продвинуться по службе. Я прощала ему постоянную холодность, поздние звонки и редкие подарки, наивно полагая, что моя безграничная забота растопит этот лед, а мое пышное тело — это лишь временная, легко преодолимая преграда на пути к общему счастью.

— Мама, ну зачем ты с ней так резко разговариваешь? — неожиданно раздался над ухом знакомый голос Андрея, который подошел со спины, как всегда превосходно исполняя свой образ в дизайнерском пальто и пахнущем дорогим парфюме с закрытыми нутками табака и сандала.

Я мгновенно встрепенулась, едва не перевернув локтем чашку с чаем, и в моей душе снова вспыхнула слабая, отчаянная надежда на то, что он сейчас защищает меня, обнимет за плечи и твердо говорит матери, что любит меня любого, независимо от цифр на весах. Но Андрей сел рядом с Мариной Ивановной, даже не удостоив меня мимолетным взглядом, небрежно бросился на полированный стол своей дорогой смартфон и устало потер переносицу.

— Дина, на самом деле мама абсолютно права, — совершенно буднично, без тени ни малейшего сожаления в голосе произнес он, — я очень долго думал обо всем и пришел к выводу, что нам нужно расстаться.

В эту секунду весь мир вокруг меня словно замедлил свой привычный ход, официант у соседнего столика стал невероятно медленно протирать стеклянный бокал, пока за окном падали хлопья мокрого мартовского снега.

— Что ты такое говоришь, Андрюш? — выдавила я из себя, чувствуя, как глупая, растерянная улыбка застывает на моих губах. — Мы ведь собирали заявление в загс уже на этой неделе, и ты сам еще недавно говорил, что тебе безумно нравятся мои милые ямочки на щеках...

— Мало ли того, что я раньше, — поморщился он, брезгливо разглядывая мое покрасневшее от подступающей слезы лицо, — Дина, посмотрев на себя объективно говорил, мне ведь становится просто стыдно выводить тебя в свет, потому что мои коллеги за спиной откровенно шутят и спрашивают, не усыновил ли я случайно сумоиста. Когда мы вместе идем по торговому центру, на нас обсуждаются абсолютно все прохожие, и я больше не намерен этого терпеть, к тому же мой отец заключил договор о грандиозном совместном проекте с девело-

перской компанией Кристины. Ну, ты наверняка слышала о Кристине, дочке замминистра, и мы с ней, в общем-то, уже около двух месяцев официально встречаемся.

Внутри меня все похолодело, а к горлу подкатила самая настоящая, приступ тошноты от осознания того, что целых два месяца, пока я преданно варила ему диетические супчики-пюре и гладила сорочки, он крутил роман с другим. С тонкой, звонкой, породистой Кристиной, которая, держу пари, питалась исключительно святым духом и свежими салатными листьями.

— Значит, ты все время это просто изменял мне? — мой голос сорвался на смешной, сиплый писк...

— Не нужно утрировать и устраивать здесь небольшие сцены, — раздраженно отмахнулся Андрей, — это не измена, обычный бизнес и здравый прагматизм, ведь Кристина способна подать мне идеальную партию и помочь моей карьере связями, внешним видом и высоким статусом. А что, скажи на милость, есть у тебя, кроме твоих бесконечных лишних килограммов и вечных жалоб на здоровье, если твой отец-пенсионер ничем не сможет продвинуть меня в эту жизнь? Любовь имеет свойство приходить и уходить, Дина, а жить нужно долго и с умом.

Марина Ивановна победоносно улыбнулась, аккуратно поправляя свою монументальную прическу, и мило пропела:

— Вот и славно, Андрюшенька, ты все очень правильно и доходчиво ей объяснила. Диночка, ты девочка в общем-то неплохая, но попыталась прыгнуть слишком высоко для своего уровня, так что спустись на землю и найди себе кого-нибудь под стать, например, повара или кладовщика, чтобы вместе печь пирожки по вечерам. Да, и кольцо, которое Андрюша подарил тебе на Новый год, будь, добра, ведь верни это нашу семейную реликвию, бабушкино золото, и нам бы очень не хотелось, чтобы оно ушло в чужую семью.

Я медленно перевела взгляд на свой пухлый палец, где кольцо с крошечным, едва развитым бриллиантом, больше смахивающим на хорошо ограненный фианит, уже сильно плотно врезалось в кожу. Я носила его все это время как высшую награду и главный символ того, что даже такую большую и неуклюжую девочку, как я, кто-то научился искренне любить. Преодолевая сопротивляемость отекавшего сустава и сдерживание рвущихся ожидающих слез, я с трудом стянула золото с переключателем и положила его на стол, но от избытка эмоций толкнула чуть сильнее, чем нужно. Кольцо забавно покаталось по гладкой поверхности, подпрыгнуло на край тарелки и с тихим, сочным «плюхом» приземлилось прямо в самом центре пирожного «Павлова», полностью похоронив себя под густым слоем белоснежного крема.

Ой. Ну надо же, какая досада.

— Забирайте, — тихо произнесла я, глядя на то, как брезгливо перекосилось лицо Марины Ивановны, — только осторожнее, чтобы случайно не испачкать ваши ручки ...

— Вот и умница, у тебя все-таки есть благоразумие, — обратилась она, ловко подхватывая испачканное кольцо бумажной салфеткой. — Прощай, Дина, и надеюсь, что тебе хватит гордости, больше никогда не ищи встреч с моим сыном.

Они поднялись со своих мест и ушли вместе — красивые, успешные, вложенные в дорогие бренды и абсолютно уверенные в своей правоте, оставив мне одну одну в окне с растерзанным десертом и полностью разрушенной жизнью. Я совершенно не помнила, как выходила на улицу, где мокрый мартовский снег тут же облепил лицо, двигаясь со слезами, которые наконец-то провалили плотину. Прохожие брезгливо огибали мою крупную фигуру в кирпичном пальто, какой-то парень грубо задел меня плечом, проворчав, что я взял полтротуара и меня невозможно обойти. Раньше я бы обязательно сжалась, случайно извинилась и попыталась стать еще незаметнее, но сейчас внутри меня что-то с треском сломалось, ведь три года они использовали меня как бесплатную прислугу, а потом просто выбросили, как пустую коробку из-под пиццы.

Слезы наконец застлали мне глаза, и я, совершенно позабыв посмотреть на светофор, сделала шаг прямо по пешеходному переходу, совершив самую последнюю глупую ошибку в своей жизни. Оглушительный, пронзительный визг тормозов, лопнувший воздух, и мощный черный внедорожник с наглушенными тонированными стеклами замер буквально в десяти сантиметрах от моего колена. От внезапной опасности мои многострадальные ноги окончательно отказались от подачи, я взмахнула руками, потеряла равновесие и повалилась прямо на мокрый асфальт, в грязную жизнь из талого снега и дорожных реагентов. Мое новое пальто мгновенно промокло, дешевая сумочка отлетела в сторону и раскрылась, из-за чего все мои скромные вещи в виде бюджетной пудры и мятных конфет весело покатались по дороге.

Я разрыдалась, сжала руки, уверенная, что сейчас из машины выйдет очередной «перспективный» подонок, и лицо начнет кричать на меня за то, что я испачкала его шикарный бампер. Но когда дверь автомобиля открылась, на асфальт вышел широкоплечий высокий мужчина в безупречном черном пальто, который выглядел так, словно сошел с обложки элитного журнала. У него были потрясающие, словно высеченные из мрамора черты лица и выразительные цвета глаз грозового неба, в которых совершенно не было той дешевой спеси, которой так гордился Андрей. Он быстро подошел ко мне и, совершенно не заботясь о том, что пачкает свои дорогие дизайнерские брюки, опустился на одно колено прямо в грязную жизнь.

— Вы целы? Не пострадали? Где болит? — его голос был низким, бархатным и успокаивающим.

— Уходите, пожалуйста, — всхлипнула я, тщетно пытаясь подняться, пока моя ладонь позорно скользила по мокрому асфальту, — оставьте меня здесь, ведь я просто большая, неуклюжая корова, которая не смотрит по сторонам. Можете даже сдать назад для верности, так всем будет только лучше.

Мужчина на секунду замер, и в его глазах промелькнуло странное смешное удивление и сострадание. Он не стал смеяться или читать мне нотации, а просто уверенно перехватил меня под руки и одним мощным, выверенным движением легко поднял ноги, как будто я вообще был не сто сорокакилограммовой Диной, а пуховой подушкой. Меня сильно зашатало, и я невольно уткнулась носом прямо в его плечо, почувствовав тонкий аромат дорогого табака, кедра и какую-то невероятную мужскую силу, рядом с которой моя боль на мгновение отступила. Андрей Демидов — как позже представился этот удивительный человек, бережно усаживая меня на белоснежное кожаное кресло своего теплого авто — оказался главой крупнейшего холдинга страны, который панически боялся всякой та «элиты», что только что растоптала меня. И пока машина плавно трогалась с места, унося меня в совершенно новую жизнь, я размазывала по щекам тушь и с тайным злорадством думала о том, что кольцо в пирожном Кристине я все-таки оставила.

Глава 2

Андрей

В салоне моего внедорожника царила оглушительная, почти очень громкая тишина, нарушаемая лишь едва слышным шуршанием шин по мокрому асфальту. По правому борту то и дело проносились размытые, смазанные неоновые огни вечернего города, но я не обращал на них никакого внимания. Всё мое внимание, вопреки здравому смыслу, сейчас было приковано к пассажирскому сиденью.

Девушка, которую я буквально десять минут назад снял с грязного пешеходного перехода, сидела неподвижно, словно панически боялась сделать лишнее движение. Ее насквозь промокшее трикотажное пальто, успевшее впитать в себя половину дорожной жижи центрального округа, источало запах влажной шерсти и какого-то приторно-сладкого кондиционера для белья. Изредка она шмыгала носом, и в этой звенящей тишине салона этот звук казался мне оглушительным, как выстрел. Она то и дело судорожно прижимала к себе многострадальную сумку с оторванной молнией, из которой сиротливо выглядывал пушистый брелок.

— Вы зря тратите на меня свое время, — тихо, почти беззвучно произнесла она, так и не повернув головы в мою сторону, а продолжая упорно рассматривать капли дождя на боковом стекле. — И кожу на сиденье окончательно испортите. Химчистка такой машины, наверное, стоит как половина моей месячной зарплаты в архиве. Ну, или как три моих зарплаты. Если честно, я вообще без понятия, сколько стоит отмыть «Майбах» от сто сорока килограммов несчастья.

Я лишь мельком взглянул на её профиль. Размазанная по круглым щекам тушь, покрасневший кончик носа, налипшие на лоб мокрые пряди каштановых волос — зрелище, бесконечно далекое от лощеной эстетики тех женщин, которые обычно штурмовали мою приемную в главном офисе холдинга. Но в ее тихом, дрожащем голосе, вопреки очевидному отчаянию, проскользнула странная, едва уловимая самоирония. Она не пыталась казаться картинной жертвой, чтобы вызвать у меня банальную мужскую жалость; она искренне, всем сердцем считала себя единственной виновницей этого нелепого инцидента. В ней не было этой липкой, просчитанной фальши, которую я научился распознавать за версту.

— Материальные ценности меня волнуют меньше всего, Дина, — спокойно ответил я, плавно перестраиваясь в крайний левый ряд перед поворотом на Остоженку. — Меня зовут Андрей Демидов. И раз уж я стал причиной вашего незапланированного полета на асфальт, я обязан убедиться, что вы в полном порядке.

— И это не вы причина, а моя собственная координация, — она наконец повернула голову, и я снова встретился взглядом с ее огромными карими глазами, в которых, помимо свежих слез, сейчас читалось дикое, почти детское смущение. — Точнее, полное её отсутствие. Я умудряюсь спотыкаться даже на абсолютно ровном паркете в читальном зале, а тут целый оживленный перекресток. Я просто... я не посмотрела на светофор. Мне показалось, что если я сейчас быстро не уйду, то просто врасту в землю прямо у того кафе.

— Что ж, Дина, раз больница вами так решительно отвергается, мы едем ко мне, — я плавно повернул руль, въезжая под шлагбаум охраняемого элитного жилого комплекса. — Вам нужно как минимум обсохнуть, согреться и переодеться в сухое.

При слове «переодеться» она как-то испуганно и одновременно комично сжалась, смешно втянув голову в плечи и попытавшись прикрыть своим грязным рукавом кирпичный подол. — Андрей, вы, конечно, выглядите как благородный рыцарь на черном бронированном танке, но давайте смотреть на вещи трезво и реалистично. В вашем гардеробе вряд ли найдутся

вещи... ну, моего эпического масштаба. Если только у вас в закромах случайно не завалился чехол от полкового танка или парашют. Я ведь не дюймовочка, мягко говоря.

Я невольно усмехнулся, припарковывая машину на подземном паркинге. Эта девчонка продолжала острить и язвить в адрес собственной внешности, находясь при этом в абсолютно разбитом, травмированном состоянии. Это подкупало. Израненная, промокшая, но упрямо выставляющая иголки самоиронии.

— Моя экономка Наталья — женщина весьма почтенных достоинств, благородного возраста и схожей с вами комплекции, — я заглушил мотор и повернулся к ней. — Думаю, в её шкафу найдется что-нибудь сухое и чистое. Выходите.

Когда мы поднялись на персональном лифте прямо в пентхаус, Дина буквально застыла на пороге огромной гостиной, смешно переступая с ноги на ногу и боясь сделать шаг по полированному камню пола. На фоне строгого минимализма, панорамных окон с видом на ночную Москву и дорогой отделки из темного матового сланца она в своем мокром, покрытом пятнами кирпичном наряде выглядела как заблудившийся, испуганный и очень несчастный пингвин. Наталья, которой не нужно было ничего объяснять, мгновенно оценила ситуацию своим опытным взглядом, понимающе кивнула мне и мягко увлекла гостью в гостевую зону.

Спустя полчаса Дина вернулась в гостиную. На ней был темно-синий трикотажный костюм моей экономки. Он сидел на ней довольно плотно, очерчивая очень пышные, округлые бедра и высокую грудь, но без этой ужасной грязной верхней одежды, со смытым макияжем и чистыми, слегка выющимися каштановыми волосами она выглядела удивительно домашней, мягкой и... настоящей. В ней была какая-то первозданная, чистая женская невинность, которая странным образом сочеталась с той дерзостью, что я услышал на дороге.

Я сидел за кухонным островом, где Наталья уже оставила большой фарфоровый чайник с дымящимся травяным отваром. Дина нерешительно подошла, аккуратно, словно хрустальную, взяла чашку своими пухлыми пальцами и сделала робкий глоток. При этом она умудрилась звякнуть ложечкой о край так громко, что сама же вздрогнула от собственной неуклюжести и густо покраснела, пробормотав очередное «извините».

— А теперь рассказывайте, Дина, — я пододвинул к ней поближе пиалу с медом и внимательно посмотрел в ее карие глаза. — Из-за чего молодая женщина идет на красный свет под колеса, совершенно не разбирая дороги? На вашем безымянном пальце остался очень характерный след от кольца. Совсем свежий. Вас кто-то обидел?

Дина опустила глаза на свои руки, судорожно обхватив чашку теплыми ладонями, и ее пухлые губы снова дрогнули. На мгновение мне показалось, что она сейчас замкнется, заплачется и попросит отвезти ее домой, на её окраину. Но прятаться или разыгрывать немую сцену она не стала. С какой-то удивительной детской прямоотой, перемешанной с неожиданной, проснувшейся внутри нее дерзкой злостью, она выложила мне всё.

История, которую я услышал, была банальной до тошноты, отчего становилась еще более гнусной и отвратительной. Три года своей жизни эта девочка отдала Андрюшеньке... Она искренне любила его, варила ему диетические супы-пюре, чтобы у его изнеженного желудка не было изжоги, писала за него по ночам сложные рабочие отчеты, пока он спал, и безропотно терпела высокомерные, ядовитые нападки его мамы — некой Марины Ивановны, которая мнила себя вершиной культурной эволюции и министерской элиты. А сегодня в кафе этот «принц» вместе со своей родительницей просто указали ей на дверь. Они прямым текстом заявили, что она «огромная корова», которая не соответствует их высокому статусу, и что Андрюша уже два месяца как успешно пристроен в надежные, «перспективные» руки Кристины — дочери какого-то замминистра, потому что это выгодно для его будущей карьеры. Кольцо Дина им, конечно, вернула, но от избытка чувств и своей вечной неуклюжести случайно утопила его прямо в центре пирожного «Павлова» перед тем, как уйти.

— Марина Ивановна сказала, что мой потолок — это повар или кладовщик, — Дина горько усмешнулась, сиюминутно поймав ложку упрямую чайнику в чашке. — Чтобы мы вместе пекли пирожки на окраине и не портили им министерские паблики и отчеты своей массой. И самое паршивое, Андрей... Я ведь сидела там и почти поверила, что они правы. Что я действительно виновата в том, что после той аварии заболела, получила этот гормональный сбой и набрала вес. Что я какая-то бракованная, понимаете? Что огромные девочки не заслуживают того, чтобы их просто любили.

Я слушал ее тихую, прерывистую речь, и внутри меня с каждым её словом росла холодная, расчетливая злость. Я слишком хорошо, до тошноты знал породу таких людей, как эти Савельевы. Мелкие чиновничьи сошки, дорвавшиеся до теплой государственной кормушки, нацепившие на себя фальшивые бриллианты и возомнившие себя вершителями человеческих судеб. Они мерили людей исключительно должностями, связями и объемами талии, будучи при этом абсолютно пустыми внутри.

— Как, вы сказали, фамилия этого вашего перспективного и карьерного жениха? — тихо спросил я, и мой голос прозвучал куда холоднее, чем я планировал.

— Савельев. Андрей Савельев. А отец у него — Сергей Александрович, начальник какого-то там департамента, — Дина удивленно захлопала своими пушистыми ресницами, прервав свое сражение с чайником. — А что? Вы... вы их знаете? Они тоже из вашего круга?

На моих губах появилась та самая ледяная, едва заметная улыбка, которую мои бизнес-партнеры и конкуренты обычно называли «сигналом к безоговорочной капитуляции».

— Мир гораздо теснее и забавнее, чем вам кажется, Дина. Девелоперская компания этой самой Кристины — дочка замминистра, ради которой Савельев-младший так резко сменил свой жизненный курс, сейчас находится в финансовом кризисе. Проще говоря, они банкроты. И они уже две недели безуспешно обивают пороги моего холдинга, умоляя о слиянии, санации и многомиллиардном кредите под залог их оставшихся активов. А Савельев-старший буквально вчера лично обрывал телефон моей приемной, пытаясь через свои министерские связи пролоббировать этот контракт.

Дина даже рот слегка приоткрыла от изумления, в этот момент став похожей на испуганного, но жутко любопытного ребенка, которому только что показали настоящий фокус. — То есть... вы их босс? Главный босс?

— Скажем так: я именно тот человек, от одного росчерка пера которого зависит, останутся ли Савельевы в своих теплых министерских креслах или полетят с должностей со свистом, и получит ли фирма этой Кристины хотя бы копейку, — я поднялся со своего места, подошел к кухонному острову и оперся о него руками, заставляя Дину поднять на меня свои невероятные карие глаза. — Через две недели у Савельева-младшего намечается грандиозный юбилей в отеле «Метрополь». Там планируется фарс с официальным объявлением его помолвки и, как они наивно думают, празднованием подписания нашего контракта.

— Ой, я кажется попала, — произнесла Дина.

Я улыбался, глядя на то, как в ее глазах испуг медленно начинает уступать место какому-то новому, незнакомому ей доселе чувству.

— У нас есть ровно четырнадцать дней, Дина. Я презираю подонков, которые самоутверждаются за счет таких искренних людей, отдающих им свою душу. Мы пойдем на этот юбилей вместе.

— В качестве кого? — прошептала она, и на ее круглых щеках мгновенно проступил очаровательный, густой румянец. — Андрей, вы с ума сошли? Я не умею ходить на высоких каблуках, я обязательно споткнусь на ковровой дорожке и увлеку за собой на пол какого-нибудь важного чиновника. И вообще, ну посмотрите на меня объективно! Какая из меня светская львица в бриллиантах? Я же там все столы фуршетные разнесу, если повернусь неловко!

— Из вас не нужно делать бездушную светскую львицу, их в том зале и так будет слишком много, — отрезал я, и в моем голосе прозвучал металл. — Мы сделаем из вас королеву. Настоящую, царственную женщину. Вы пойдете туда как моя официальная спутница, под руку со мной. И поверьте мне на слово, в этот вечер семейство Савельевых поймет, что совершило самую страшную, самую непоправимую ошибку в своей ничтожной жизни. Ну так что, Дина? Вы готовы рискнуть и сыграть в эту игру по моим правилам?

Дина долго, очень внимательно смотрела на меня, словно пыталась отыскать в моих глазах скрытый подвох или злую шутку. Но подвоха не было. Было лишь мое твердое, взвешенное решение растоптать тех, кто посчитал себя вправе вытереть ноги о человеческое достоинство. Наконец, она шумно выдохнула, упрямо вздернула свой трогательный подбородок, и в ее взгляде вспыхнула та самая дерзость, которую я впервые разглядел на грязном асфальте.

— Хорошо, — твердо и громко произнесла она, хотя тут же смущенно опустила глаза и тихонько добавила: — Только чур, если я случайно разобью там какую-нибудь огромную хрустальную люстру или уроню торт, вы обещаете не вычитать их стоимость из моей скромной архивной зарплаты до конца моих дней.

Я невольно улыбнулся. Савельевы еще не знали, что их обратный отсчет уже начался.

Глава 3

Дина

Если бы мне кто-то две недели назад, в тот самый жуткий вечер в кафе, сказал, что я буду жить в пентхаусе с видом на Кремль и всерьез рассуждать о высокой кухне с личной экономкой олигарха, я бы, наверное, покрутила пальцем у виска. Моя жизнь до этого происшествия была до предела простой, приземленной и, честно говоря, довольно серой. Работа в архиве среди пыльных папок, вечные попытки угодить Андрюше и его маме своими «правильными» диетическими супчиками, от которых у самой уже скулы сводило, и бесконечное чувство вины за то, что я никак не вписываюсь в стандарты их «элитного» мира. А тут — бац! — и я сижу на огромной, сияющей хромом и мрамором кухне, которая больше похожа на лабораторию поваров-мишленовцев, и пытаюсь понять, как не сойти с ума от всей этой роскоши.

Первое утро в доме Андрея Демидова началось с того, что я умудрилась заблудиться по дороге из гостевой спальни в туалет. Спальня по размерам превосходила всю мою однокомнатную хрущевку в Перово, и я, спросонья запутавшись в бесконечных дверях-невидимках, едва не рухнула в огромную декоративную напольную вазу, которая, по моему авторитетному мнению, стояла как чугунный мост. На мое счастье, вазу я только качнула, поймав её в самый последний момент бедром, отчего та издала угрожающий гул.

— Батюшки, Диночка, осторожнее! — из-за кухонного острова вынырнула Наталья, экономка Андрея, женщина очень приятной, монументальной комплекции, в которой я сразу почуяла родственную душу. — Шеф уехал на раннюю встречу, велел тебя не будить и подать завтрак, как проснешься. Ты как себя чувствуешь-то после вчерашнего полета?

— Чувствую себя так, будто меня сначала переехал каток, а потом аккуратно упаковали в шелка, — честно призналась я, усаживаясь на высокий барный стул и тут же едва не соскользнув с него из-за непривычно гладких штанов трикотажного костюма, который Наталья мне выделила. — Наталья, скажите честно, ваш шеф всегда такой... ну, директивный? Спасает женщин на дорогах, привозит к себе, заставляет переодеваться? Это у него хобби такое благотворительное?

Наталья весело рассмеялась, выставя передо мной чашку с ароматным кофе и тарелку с какими-то бледными, унылыми тостами и сиротливым кусочком авокадо.

— Что ты, милая! Андрей Андреевич к себе вообще никогда никого не привозит. У него тут крепость, личная зона. Вчера, когда он тебя на руках внес — насквозь мокрую, в этом твоём кирпичном пальто, — у меня аж сердце зашлось. Он ведь ледяной обычно, как айсберг, слова лишнего не вытянешь. А тут глаза так и сверкают, командует: «Наталья, сухую одежду, чай, доктора Илью на утро вызови!» Я его таким злым и собранным давно не видела. Видать, зацепило его то, как с тобой эти... Савельевы поступили. Он ведь фальшь и несправедливость на дух не переносит.

Я вздохнула, уныло ковыряя вилкой авокадо. Мой желудок, привыкший к нормальной, сытной еде, при виде этого зеленого недоразумения жалобно заурчал.

— Наталья... а можно нескромный вопрос? Это вот — мой завтрак? Я, конечно, понимаю, что я девочка крупная и мне, по мнению семьи Савельевых, давно пора закрыть рот на амбарный замок, но от этой травы я просто протяну ноги прямо на вашем красивом полу.

Экономка всплеснула руками и заговорщически подмигнула мне:

— Да я сама этот здоровый рацион терпеть не могу! Но шеф строго следит, чтоб продукты были био, эко и без лишнего жира. Сам-то он ест как птичка — утром белок, вечером стейк сухой. А мне каково? Я ведь готовить люблю, чтоб с душой, чтоб соус шкворчал!

В моих глазах, кажется, вспыхнул фанатичный огонь истинного кулинара. В Перово меня все знали как человека, который из обычного куска минтая и двух луковиц может соорудить шедевр, за который в ресторане отдали бы половину зарплаты. А уж мои пироги с уткой и брусникой... Андрюша Савельев, хоть и строил из себя эстета, за эти пироги готов был душу продать, пока его матушка не заявила, что «тесто развивает в Дине плебейскую дородность».

— Наталья, — я пододвинулась ближе к острову, заговорщически понизив голос. — А что у нас есть в холодильнике из нормальных продуктов? Ну, там, птица, мясо, травки какие-нибудь, специи? Давайте сделаем так: шеф ваш придет голодный и уставший, а мы ему вместо этого сушено-вареного кошмара подадим кое-что особенное. Я вам помогу. Поверьте, я готовить умею так, что даже самые суровые мужчины начинают улыбаться и подписывать любые указы.

Наталья сначала испуганно округлила глаза, а потом ее лицо расплылось в довольной улыбке. — А давай, Диночка! Рискнем. У нас там как раз отличная телячья вырезка лежит и свежие сморчки привезли. Шеф любит грибы, но я их обычно просто отвариваю солью...

— Просто отваривать сморчки — это преступление против человечества! — ужаснулась я, сползая со стула (при этом умудрившись зацепить носком напольный коврик, который тут же поехал в сторону, но я удержалась за край стола). — Нам нужен коньяк для фламбирования, немного жирных сливок — и пусть Андрей Андреевич считает, что это секретный фитнес-соус по особому французскому рецепту.

Следующие три часа мы с Натальей провели в абсолютном кулинарном экстазе. Я порхала по кухне, насколько позволяла моя комплекция и чужие тапочки, которые то и дело сваливались с ног. Мы приготовили нежнейшую телятину в соусе из сморчков с добавлением капли тимьяна, а на гарнир я соорудила пюре из сельдерея и пастернака с печеным чесноком — получилось воздушно, легко и безумно вкусно, без грамма лишнего сливочного масла, так что никакой диетолог бы не подкопался. Когда по пентхаусу пополз этот умопомрачительный, домашний, уютный аромат, двери лифта тихо звякнули, и в прихожую вошел Демидов.

Я тут же испуганно замерла с поварешкой в руках, внезапно осознав всю неловкость ситуации: сижу в его доме, хозяйничаю на его кухне, укутанная в фартук Натальи с какими-то дурацкими цветочками. Андрей Андреевич остановился на пороге кухни, медленно снял свои неизменные черные кожаные перчатки, и его строгий, пронзительный взгляд грозových глаз скрестился с моим испуганным лицом. Он потянул носом воздух, и его брови удивленно поползли вверх.

— Наталья, у нас сменился шеф-повар? — негромко спросил он, и в его голосе проскользнула едва заметная, теплая искорка.

— Андрей Андреевич, это все Диночка! — преданно сдала меня эконожка, сияя от гордости. — Она такое сотворила с телятиной, у меня аж слюнки текут. Вы присаживайтесь, попробуйте!

Демидов молча прошел к столу, сел и выжидающе посмотрел на меня. Я, стараясь не дрожать руками, положила ему порцию, аккуратно полив мясо соусом. Сама присела на краешек соседнего стула, чувствуя себя школьницей на экзамене. Мысли в голове путались: «Ну, Дина, ну зачем ты полезла со своими кастрюлями? Он же олигарх, он привык к ресторанной еде, сейчас скажет, что это слишком жирно или плебейски...»

Андрей отрезал кусочек мяса, обмакнул в соус и отправил в рот. Он жевал медленно, с абсолютно непроницаемым лицом, закрыв глаза. Минута тянулась как вечность. Наконец он открыл глаза и посмотрел на меня так, будто увидел впервые.

— Это... потрясающе, Дина, — тихо и очень веско произнес он. — Я не ел ничего вкуснее последние лет пять. В ресторанах соус делают химическим, а здесь... здесь есть душа. Как тебе удалось добиться такой текстуры от пастернака?

Я с облегчением выдохнула, едва не выронив салфетку.

— Секрет в запеченном чесноке и капле мускатного ореха, Андрей Андреевич. И вообще, путь к сердцу мужчины, даже если он управляет огромным холдингом, все равно лежит через желудок. Вы извините, что я тут раскомандовалась... Просто ваше авокадо на завтрак выглядело так, будто оно само хочет покончить жизнь самоубийством.

Демидов негромко, искренне рассмеялся — и этот звук оказался удивительно приятным, разрушающим его образ ледяного бизнесмена. — Ладно, кулинарную дипломатию ты сдала на отлично. Но теперь нам пора заняться второй частью нашего плана. Савельевы должны увидеть не просто сытую и довольную девушку, а женщину, которая им не по зубам. Жан привез туфли. Иди примерь, нам нужно оценить масштаб катастрофы с твоей походкой.

«Масштаб катастрофы» оказался поистине планетарным. Когда я увидела эти замшевые шпильки высотой с Останкинскую башню, у меня внутри все похолодело. Кое-как натянув их на свои пухлые ножки, я поднялась и тут же почувствовала, как земля уходит из-под ног. Мои бедра зажили какой-то своей, отдельной от остального тела жизнью, а колени предательски затряслись.

— Так, Дина, стоп, — Андрей встал напротив меня, скрестив руки на груди. — Ты сейчас похожа на новорожденного жирафика, который пытается удержаться на льду. Ну-ка, сделай шаг вперед.

Я сделала шаг, замахала руками, как ветряная мельница, и со словами «Мама дорогая!» полетела бы прямо на журнальный столик, если бы Демидов не поймал меня. Его сильные, жесткие руки подхватили меня за талию. От неожиданности я вцепилась пальцами в его кашемировый пуловер, уткнувшись носом прямо в его плечо. Вдохнула запах его парфюма — дорогой табак, кедр и что-то неуловимо опасное, хищное. Мое сердце заколотилось как сумасшедшее, и это было вовсе не от страха упасть.

— Извините, — прошептала я, пытаюсь обрести равновесие и густо краснея. — Мой центр скажем так эксцентричности из-за... некоторых выдающихся объемов сверху немного смещен вперед. Я физически не могу ходить как эти ваши подиумные вешалки.

Андрей не отпустил меня сразу. Он бережно, но крепко удерживал меня, заставляя выпрямиться. Его руки в черных перчатках скользнули к моим лопаткам, мягко сводя их вместе.

— А мне не нужны вешалки, Дина, — его низкий голос прозвучал прямо над моим ухом, вызывая толпу мурашек вдоль позвоночника. — Подиумные девицы одинаковые, как под копирку, в них нет жизни. А в тебе есть порода. Твоя фигура, твои изгибы — это не недостаток, это твое оружие, если уметь им пользоваться. Не пытайся семенить, не пытайся казаться меньше, чем ты есть. Ты крупная, роскошная женщина. Неси свой вес так, будто это королевская мантия. Ну-ка, расправь плечи, подними подбородок. Смотри не на туфли, смотри на меня.

Я подняла голову и встретила с его взглядом. В его серых глазах не было ни капли насмешки или брезгливости — того, чем меня годами пичкал Андрюша Савельев, когда я пыталась примерить что-то ярче серого балахона. Там было только холодное, спокойное восхищение и уверенность, которая магия образом передалась и мне.

— Вот так, — одобрительно кивнул Демидов, делая шаг назад, но продолжая держать меня за руку, подставляя свое плечо в качестве опоры. — Шаг. Уверенно. С бедра. Представь, что перед тобой сейчас стоит Марина Ивановна и пытается оценить твою «дородность». Что бы ты ей сказала?

Я вспомнила перекошенное от праведного гнева лицо несостоявшейся свекрови, когда она выговаривала мне за лишний кусок хлеба, и внутри меня вдруг проснулась такая отчаянная, веселая злость, что я даже про туфли забыла.

— Я бы сказала ей, что её бриллианты выглядят так же фальшиво, как и её манеры, — дерзко ответила я, делая широкий, уверенный шаг вперед. Каблук звонко стукнул по сланцевому полу. — И что её сыночек — маменькин сынок, у которого вместо хребта министерская методичка.

— Отлично! — Андрей впервые за все время улыбнулся по-настоящему, открыто и хищно. — Вот эту злость и эту гордость держи внутри себя. Еще шаг, Дина. Ты идешь в «Метрополь» не оправдываться. Ты идешь забирать свое достоинство. С процентами.

И я пошла. Один шаг, второй, третий. Конечно, я все еще слегка покачивалась, и один раз туфля предательски скользнула по гладкому камню, отчего я смешно вскрикнула и ухватила за Андрея, но страха больше не было. Было только пьянящее, горячее чувство свободы. Из зеркала в гостиной на меня смотрела крупная, пышная, но удивительно статная женщина с пылающими щеками и живым, дерзким взглядом. И я впервые подумала, что эти две недели действительно изменят мою жизнь навсегда.

Глава 4

Андрей

Я никогда не верил в терапию, реабилитацию и прочие сказки для слабых. Мой бизнес-опыт, жесткий и порой циничный, доказывал одну простую истину: если система дала сбой, её нужно либо немедленно демонтировать, либо полностью перепрошить. С Диной я выбрал второй вариант. Последние две недели мой пентхаус напоминал закрытый штаб по подготовке сложнейшей спецоперации, где из испуганной, израненной чужой жестокостью девушки методично выковыривался бронированный, роскошный монолит.

Каждое мое утро теперь начиналось на сорок минут раньше обычного. Я спускался на кухню, пока Дина еще спала в гостевом крыле, и лично контролировал то, что Наталья отправляла ей на подносе. Никаких жестких, изнуряющих диет, которые в свое время практиковала моя бывшая жена Каролина, превращая еду в культ, а каждый лишний грамм — в повод для грандиозной многочасовой истерики. Дине нужно было вернуть здоровье, а не вогнать её в очередной виток психологического стресса. Доктор Илья Владимирович, которого я выдернул из ведомственной клиники, полностью подтвердил мои догадки: у девчонки был гормональный сбой после старой автомобильной аварии, помноженный на ежедневные, изощренные издевательства Савельевых. Ее организм просто защищался от стресса, выстраивая барьер из лишних килограммов, а эти ничтожества добились её самооценку.

Савельевы... При одной мысли об этом семействе во мне просыпался холодный, расчетливый хищник, привыкший дожимать своих оппонентов до конца. Сергей Александрович, глава их мелкого чиновничьего клана, за эти две недели буквально оборвал телефоны моей приемной. Он умолял о личной встрече, прикрываясь министерскими связями и интересами строительного сектора. Его будущая невестка Кристина, дочка замминистра, чья девелоперская контора трещала по всем швам от скрытых долгов, тоже пыталась выйти на меня через цепочку посредников. Они спали и видели, как мой инвестиционный холдинг подпишет многомиллиардный контракт на юбилейном банкете их сына Андрея в «Метрополе».

Они готовили грандиозный триумф. Но они еще не знали, что я уже подписал секретный приказ о начале полной аудиторской проверки всех их скрытых счетов и офшоров. Я готовил для них не просто деловой отказ. Я готовил для них абсолютное, юридически безупречное и сокрушительное уничтожение. Они думали, что поймали бога за бороду, а на деле сами шли в капкан.

Дверь персонального лифта тихо звякнула, прерывая мои мысли. Я вернулся в пентхаус после выматывающего двенадцатичасового марафона в арбитражном суде. Адвокаты Каролины сегодня снова пытались оспорить наш бракоразводный контракт. Эта глянцева кукла с обложки журнала никак не могла смириться с тем, что её грандиозный обман провалился с треском.

Я до сих пор отчетливо, во всех деталях помнил тот день, когда она без стука ворвалась ко мне на закрытый совет директоров, швырнула на полированный стол снимок УЗИ и с фальшивыми слезами заявила: «Я беременна, Андрей, ребенок точно твой! Перепиши на меня треть акций строительного направления, или я устрою такой скандал в прессе, что твои иностранные инвесторы разбегутся в ужасе».

Она просчиталась только в одном: я никогда, ни при каких обстоятельствах не поддаюсь на шантаж. Моя служба безопасности устроила ей независимую генетическую экспертизу прямо в клинике холдинга, и правда выплыла наружу вместе с именем какого-то итальянского фотографа, с которым она развлекалась на съемках в Милане. Развод был быстрым, ледяным и беспощадным. Я заблокировал все её счета, забрал подаренные пентхаусы и оставил её один на один с её огромными долгами и глянцевой пустотой.

С тех пор я искренне считал, что женщин для меня больше не существует. Они казались мне одинаковыми, просчитанными, механическими роботами с ценниками вместо глаз и ледяными схемами вместо сердец. Пока на мою машину из мартовского сырого тумана внезапно не вывалилось это кирпичное, плачущее, абсолютно живое чудо по имени Дина.

Я снял пальто, небрежно бросил его на руки подошедшей Наталье, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и прошел вглубь гостиной. И тут же замер на месте, удивленно потянув носом воздух.

По дому плыл невероятный, густой, умопомрачительный аромат домашней еды. Так пахло только в моем далеком, защищенном детстве, когда бабушка часами запекала мясо в старом чугушке на даче. Этот запах мгновенно, безжалостно пробил мою многолетнюю деловую броню, заставив уставший за день желудок болезненно и требовательно сжаться.

На кухне царил контролируемый, веселый хаос. Дина, укутанная в какой-то совершенно нелепый фартук Натальи с аляповатыми, крупными ромашками, увлеченно шуровала большой деревянной поварешкой в сотейнике. Ее темно-каштановые волосы были небрежно заколоты на макушке какой-то пластиковой крабовой заколкой, пара пушистых прядей выбилась из прически и трогательно прилипла к покрасневшему от жара плиты лбу. Она что-то весело, без умолку бормотала Наталье, смешно и активно жестикулируя свободной рукой, и в этот момент у нее на круглых щеках проступали те самые невероятно уютные, мягкие ямочки.

Внутри меня что-то перевернулось. Этот сухой, выжженный Каролиной пустырь, который я привык называть своей душой, вдруг заполнился странным, пугающим, но до безумия приятным теплом. Я поймал себя на совершенно дикой для меня мысли: последние три дня я ехал из офиса не просто в свою пустую, дорогую квартиру, а именно *к ней*. К этой неловкой, живой, парадоксально дерзкой девчонке, которая умудрялась спотыкаться на ровном месте, но при этом обладала удивительным внутренним светом. Я медленно, но бесповоротно влюблялся в неё, и это внезапное сознание собственной уязвимости заставило меня на секунду внутренне подобраться.

— Наталья, у нас сменился шеф-повар? — негромко спросил я, проходя к кухонному острову и аккуратно выкладывая на мраморную столешницу свои черные кожаные перчатки.

Дина вздрогнула от моего голоса, едва не выронив ложку прямо в соус, быстро обернулась и испуганно воззрилась на меня своими огромными, бездонными карими глазами. В них снова на долю секунды мелькнуло это её привычное, навязанное бывшим женихом: «Извините, я сейчас всё исправлю и уйду». Она смешно поправила съехавший фартук и заговорила, быстро глотая слова от волнения: — Андрей Андреевич! Вы уже вернулись? А мы тут... ну, в общем, ваше авокадо на завтрак выглядело так уныло и трагично, что я решила проявить кулинарное самоуправство. Вы, главное, не ругайте Наталью, это целиком моя инициатива, я её заставила! Садитесь скорее за стол, вы же голодный, наверное, как волк. После ваших судов-то и этих ужасных адвокатов.

Она суежилась, с трогательной заботой накладывая на фарфоровую тарелку нежнейшую телятину в густом, темном соусе из сморчков. Ее пухлые, мягкие пальцы слегка дрожали от волнения, и она, конечно же, умудрилась капнуть соусом на белоснежную тканевую салфетку, тут же трагически охнув и прижав руки к щекам.

Я молча сел за стол, наблюдая за каждым её движением. Взял нож и вилку, отрезал небольшой кусочек мяса, тщательно обмакнул его в соус и отправил в рот.

Это было не просто вкусно. Это было моё окончательное, безоговорочное и капитуляционное поражение. Мясо буквально таяло на языке, а соус, сдобренный каплей хорошего коньяка, сливками и свежими травами, взрывался на рецепторах такой невероятной палитрой домашнего вкуса, которую не мог повторить ни один шеф-повар из тех пафосных ресторанов, где я обычно ужинал с деловыми партнерами. Наш внутренний сухарь, как за глаза называли

меня коллеги по холдингу, растаял за долю секунды, уступая место первобытному, чистому мужскому удовольствию и покою. Я почувствовал, как уходит напряжение из плеч.

— Это потрясающе, Дина, — тихо и очень веско произнес я, глядя прямо в её замершие, выжидающие глаза. — Я говорю абсолютно серьезно. В ресторанах еда мертвая, пластиковая, как и люди там. А у тебя... у тебя здесь настоящая жизнь. Спасибо тебе. Мне действительно это было очень нужно сегодня.

Дина вдруг густо, очаровательно покраснела до самых кончиков ушей, смущенно отвела взгляд в сторону и тихонько шмыгнула носом, принимаясь судорожно протирать и без того чистый край столешницы. — Ну... путь к сердцу мужчины, даже если он ворочает миллиардами и ломает чужие судьбы в судах, все равно лежит через желудок. Я рада, что вам понравилось. А то я уже перепугалась, что вы меня выставите вместе с моими сковородками.

Она даже не знала, насколько попала в самую точку. Путь к моему сердцу был не просто найден — она уже стояла в самом его центре, нагло и уверенно расположившись там своими маленькими ножками, и выгонять её оттуда мне хотелось меньше всего на свете.

— Ладно, с кулинарной дипломатией мы на сегодня закончили, — я поднялся из-за стола, возвращая лицу привычное, собранное деловое выражение, хотя внутри всё еще пело от сытости, уюта и тепла. — Жан привез финальную партию обуви для банкета. Пора оценить масштаб катастрофы с твоей походкой на каблуках. Иди переобувайся, Дина. Наш большой выход в свет состоится уже послезавтра.

Через десять минут она нерешительно явилась в гостиную. На ней были замшевые черные шпильки высотой в тринадцать сантиметров, которые Жан выбрал для её изумрудного платья. Выглядело это зрелище поистине эпично и монументально. Дина стояла на гладком полу, покачиваясь, как пизанская башня во время сильного землетрясения. Ее колени мелко и предательски дрожали, а руки были широко расставлены в стороны для поддержания хоть какого-то баланса. Она смотрела на свои мыски так, словно под ней была не комната, а пропасть.

— Так, стоп, — я скрестил руки на груди, изо всех сил сдерживая теплую улыбку. — Дина, ты сейчас очень похожа на новорожденного жирафа, которого впервые выпустили на замерзший каток. Сделай хотя бы один шаг вперед. Ко мне.

Она честно попыталась выполнить команду. Сделала один неуверенный шаг, её левая нога тут же поехала по полированному сланцу пола, она испуганно пискнула на всю гостиную: «Мама дорогая!» — и с закрытыми глазами полетела бы прямо лицом в острый угол журнального столика, если бы я мгновенно не среагировал.

Я сделал стремительный выпад вперед и перехватил её в воздухе. Мои руки жестко, надежно легли на её пышную, теплую талию, рванув её на себя и намертво прижимая к моему телу. От неожиданности и испуга Дина мертвой хваткой вцепилась пальцами в мой кашемировый пуловер, уткнувшись носом прямо мне в плечо и прерывисто дыша.

Пространство вокруг нас мгновенно, в один миг сжалось до размеров этого небольшого пятачка у кухонного острова. Я замер, ощущая всем телом её мягкое, податливое, абсолютно живое и настоящее тепло. От её волос пахло ванилью, корицей, домашней телятиной и немного дымком от плиты. Этот простой, уютный запах ударил мне в голову сильнее любого выдержанного, самого дорогого виски. Каролина всегда пахла удушающим, резким «Томом Фордом», за которым скрывался ледяной, шкурный расчет. Дина пахла самой жизнью. Настоящей, беззащитной, искренней и безумно притягательной. В этот момент мне захотелось больше никогда, ни при каких обстоятельствах не отпускать её из своих объятий.

— Извините, — прошептала она мне в плечо, её горячее, влажное дыхание обожгло мою шею, заставив меня внутренне вздрогнуть. — У меня проблемы с координацией, скажем так... я физически, на уровне физики седьмого класса, не могу ходить как ваши подиумные вешалки. У меня анатомия другая.

Она сделала слабую попытку отстраниться, но я не позволил ей этого сделать. Мои руки плавно, но властно скользили выше по её спине, фиксируя её осанку, заставляя её выпрямиться, но при этом оставаться в опасной близости от меня.

— А мне не нужны вешалки, Дина, — мой голос прозвучал куда глубже, тише и глуше, чем обычно. Я смотрел сверху вниз прямо в её огромные, испуганные, замершие карие глаза. — Подиумные девицы фальшивы от кончиков наращенных ногтей до своей проданной за контракты души. В них нет ничего, кроме пустоты. А в тебе есть порода. Есть стать. Твоя фигура, твои пышные изгибы — это не изъян и не повод для комплексов, Дина. Это твоё мощнейшее оружие, если ты научишься им правильно пользоваться. Не пытайся семенить, как испуганная мышь в своем архиве. Не пытайся казаться меньше, чем ты есть на самом деле. Ты крупная, статная, роскошная женщина. Неси свой вес так, будто на твоих плечах лежит королевская мантия, а все остальные вокруг — просто мелкая прислуга, которая плохо вытерла пыль к твоему приходу. Ну-ка, расправь плечи, сведи лопатки. Смотри не на пол, не на свои туфли. Смотри прямо на меня.

Она с трудом сглотнула, её пухлые губы приоткрылись, а на круглых щеках заиграл румянец, что у меня на секунду перехватило дыхание. Но в её взгляде, помимо смущения и девичьей робости, вдруг снова проснулась та самая упрямая, дерзкая чертовщинка, за которую я её и вытащил с той дороги.

— Вот так, хорошо, — я медленно, нехотя отпустил её талию, но оставил свою правую ладонь открытой, предлагая ей надежную опору. — Теперь делай шаг. Уверенно. От бедра. Представь, что прямо сейчас перед тобой в зале стоит Марина Ивановна Савельева и пытается с брезгливой миной прочесть тебе лекцию о твоей «плебейской дородности» и лишнем весе. Что бы ты ей ответила, Дина?

Дина на секунду зажмурилась, явно вспомнив перекошенное от праведного гнева лицо своей несостоявшейся свекрови, и её лопатки тут же сошлись вместе, спина выпрямилась, а подбородок гордо и царственно вздернулся вверх. Вся её неуклюжесть куда-то испарилась, уступая место упрямому характеру.

— Я бы сказала ей, что её фамильные бриллианты выглядят так же дешево и фальшиво, как и её министерские манеры, — отчеканила она, делая широкий, на удивление четкий и ровный шаг вперед. Каблук шпильки звонко, победоносно стукнул по каменному полу гостиной. — А её драгоценный Андрюшенька — трусливый маменькин сынок, у которого вместо хребта — министерская методичка по карьере. И вообще, их элитная Кристина со своими диетами и ресторанными доставками просто лопнет от зависти, когда узнает, какой соус к телятине я умею готовить!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.